

Виталий Куренной

РАЦИОНАЛЬНАЯ БЮРОКРАТИЯ

Предложенная для обсуждения тема «Выход из кланократической системы»¹ сформулирована несколько двусмысленно: можно трактовать ее как констатацию процесса такого «выхода» из названной системы, а можно и как запрос на программу, т. е. в форме вопроса «как выйти из кланократической системы?» Мы исходили из второй интерпретации. Однако таким образом проинтерпретированная постановка вопроса приводит к заключению, что она исходит из несформулированной оценочной пресуппозиции: а именно, выход из кланократической системы — это хорошо, а кланократия — это плохо.

Цель статьи состоит в том, чтобы проанализировать эту пресуппозицию в двух отношениях. Во-первых, рассмотреть неявные условия, при которых она принимается в качестве очевидной, прокомментировав эти условия некоторыми историко-генетическими пояснениями. Второй вопрос — насколько реализация поставленной проблемы вообще возможна и, следовательно, не скрывается ли за этой постановкой вопроса некая идеологема. Наконец, третий связан с некоторыми текущими российскими проблемами в этой области: публичных антикоррупционных компаний и специфики сложившейся в стране административной системы.

Необходимо сразу оговориться, что поскольку термин «кланократия» является новообразованным и распространенным, насколько я смог оценить, лишь в публицистике, то для рассмотрения поставленных вопросов я буду считать кланократией любую систему господства или, точнее, организации и функционирования господствующих групп, в основе которой лежит неформальный принцип возникновения и взаимодействия. В терминологическую дискуссию о том, как соотносится между собой клановый принцип с клиентельным и тому подобное, я здесь входить не буду, ограничившись данной принципиальной трактовкой.

1. Речь идет о теме конференции, проведенной Институтом Восточной Европы, в рамках которой автором читался соответствующий доклад. — *Прим. ред.*

1.

Условия, при которых кланократия рассматривается как проблема, которую надо решить, явным образом связаны с восходящей к Веберу традиции интерпретировать систему неформальных, в частности, патримониальных отношений организации и функционирования структур господства как традиционную или досовременную. В современном (буржуазном) обществе эта система, согласно Веберу замещается системой, которую можно назвать бюрократической. Хотя у Вебера я не встречал такого терминологического различия, для понятийного удобства далее я буду противопоставлять бюрократию чиновничеству, имея в виду, что чиновничество существует как досовременная структура реализации функций управления. Под бюрократией Вебер понимает аппарат осуществления управления не только государством, но и экономическим предприятием (по крайней мере в его крупных современных формах). Если не входить в детали технологии функционирования бюрократии, а также те исторические предпосылки западных обществ, которые позволили ей реализоваться, то следует заметить, что бюрократия — в отличие от традиционного чиновничества — олицетворяет собой два базовых принципа современного общества: *рационализм* и *эффективность*. Основные принципы веберовской бюрократии могут быть сведены к следующим предпосылкам: общие, официально закрепленные должностные полномочия, строгая управленческая и контрольная иерархия, письменное делопроизводство, образовательная специализация «профессионала» — бюрократа и вытекающее отсюда разделение труда, полная самоотдача, управление, основанное на общих и рационально ясных правилах, которые в совокупности отвечают логическому критерию полноты и непротиворечивости. К числу характерных особенностей профессиональной деятельности и статуса бюрократа, которые здесь важно отметить, следует отнести принцип занятия должности (назначение, а не выборы), гарантированная изоляция от общества (в частности, пожизненная занятость, но также такая деталь как, например, разделение места проживания и места исполнения службы), рационально, т. е. всеобщим образом сформулированные правила карьерного роста, а также фиксированная денежная зарплата.

Преимущества этой системы являются очевидными, если мы исходим из того, что рациональность, понятая как всеобщие и универсальные правила и законы предпочтительнее, чем любая другая система, в работу которой вмешиваются случайные факторы, результаты работы которой не могут быть полностью просчитаны и рационально запланированы. Это радикально просвещенческое понятие рациональности, которому соответствует в системе *права* представление о преимуществе всеобщего и эксплицитно сформулированного законодательства перед обычным и прецедентным правом, представление о том, что в науке главным является формулировка всеобщих законов, а не какие-то частные случаи. Согласно этой линии европейского Просвещения, полностью развитой уже в XVIII в., общество

прогрессирует по мере того, как оно в целом и различные его подсистемы преобразуются на началах таким вот образом сформулированных рациональных принципах, которые, в конечном счете, отвечают самой природе человека и общества. Если ликвидировать все темные исторические пережитки, то общество и отдельные его сегменты будут функционировать как часовой механизм, сконструированный согласно очевидным всеобщим законам и правилам. Управленческий механизм работы государства не является здесь исключением. Рациональная функциональная дифференциация отдельных частей этого механизма должна придавать этой системе необычайную эффективность и способность к прогрессирующему наращиванию этой эффективности.

Однако данная модель не ограничивается представлениями об устройстве механизма управления, но имплицитно включает в себя и определенное представление о характере осуществления власти. Этот функционально и иерархически отлаженный механизм направляется в свою очередь рациональной волей, олицетворяющей полноту и достоинство власти, управляющей этой машиной. Этой модели исторически соответствует также определенная теологическая и космологическая конструкция, доминирующая в просвещенческом сознании. Такова деистическая модель мироустройства. Напомню, что согласно этой модели Бог творит мир, наделяет его рациональным устройством и более не вмешивается в его функционирование. Мир — это машина, которая работает на основе общих рациональных принципов и не допускает никаких отклонений в своем функционировании («чудес»). Карл Шмитт прекрасно резюмирует устройство этой модели, излагая взгляды на управление доминирующей партией французских рационалистов-просветителей. В частности, о Вольтере он пишет:

Слаженно функционирующая машина управления, приводимая в действие нажатием кнопки на центральном пульте, соответствовала его деистической картине мира, а пестрое многообразие феодальной и сословной автономии казалось ужасающим беспорядком.²

Принятое в рассматриваемой веберовской конструкции представление о рационализме как системе всеобщих и универсальных правил, исторически фундировано также метафизическим понятием закона, сформулированным в Новое время. Как поясняет тот же Шмитт:

Картезианское учение о том, что Бог обладает только «всеобщей волей» и все партикулярное чуждо его сущности, в переводе на политический язык означало, что государство должно выдвигать в качестве законов только всеобщие и абстрактные правила, а решение об отдельном конкретном случае должно приниматься только путем подведения его под всеобщий закон, а не непосредственно самим законодателем.³

2. Шмитт К. Диктатура. СПб.: Наука, 2005. С. 129.

3. Шмитт К. Указ. соч. С. 128.

Особую роль во всей данной конструкции играет также монетарный (денежный) характер отношений. Любой современный анализ обществ с доминирующим неформальным характером институтов управления, указывает на то, что причиной патримониальных и аналогичных им систем является, в частности, неразвитость экономики и их недостаточная монетаризация. Для того чтобы сделать такой вывод при нашей постановке проблемы нет особой нужды обращаться к эмпирическим данным. Монетаризация и, соответственно, прогрессирующая рациональная квантификация отношений — неотъемлемое условие работы описанной модели — она относится как к системам управления, так и к функционированию общества в целом. Уже Зиммель прекрасно проанализировал этот момент в своей «Философии денег». По мере монетаризации социальных отношений элементы этих отношений теряют свой субстанциональный характер (*Persoenlichkeit*), включая, например, личную лояльность или личное покровительство в рамках клиентельных структур, и участвуют в этих отношениях исключительно своей квантифицированной, «объективной» стороной (*Sachlichkeit*), поддающейся рациональному счету и взвешиванию. Таким образом, если воспользоваться одной из ключевых характеристик патримониалистской системы, которую дает Робин Теобальд⁴, а именно «патримониализм характеризуется бюрократией, которая пронизана личными отношениями клиентарного типа», — то переход к рациональной бюрократической системе является моментом общей динамической схемы Зиммеля, которая описывается как переход от «*Persoenlichkeit*» к «*Sachlichkeit*».

Вернемся к обсуждению рационалистической модели функционирования управления, в рамках которой отказ от традиционных и неформальных отношений рассматривается как очевидный прогресс. Здесь я хотел бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Дело в том, что у описанной выше модели существует давно сформулированная альтернатива. Парадоксальным образом современное западное общество включает также и ее, однако, не на уровне реализации управленческих задач в рамках бюрократической системы, а на уровне более принципиальном, а именно уровне своего политического устройства как такового. Для наглядности я еще раз обращусь к историческим фактам эпохи Просвещения. Описанной выше модели управления, сторонником которой было основное число французских просветителей-деистов, противостоит более сложная модель сдержек и противовесов, которая получает воплощение, в частности, в политической теории Монтескье и его доктрине разделения властей. Она исходит из того, что система управления не должна работать как механизм, который эффективно проводит решение, переданное с «центрального пульта». Напротив, любое политическое действие должно быть опосредовано системой, которая включает в себя ряд «субстанциальных» участников. «Вмешательство государства, — как пишет Шмитт, характеризуя данную модель, — никогда не должно осуществляться со всей действенной полнотой власти,

4. См. настоящий выпуск журнала.

но всегда лишь опосредованно, с использованием промежуточной инстанции, органа с четко определенными компетенциями, с «ограниченной властью», наряду с другими опосредующими инстанциями обладающего компетенцией, которую нельзя отменить по чьей-либо воле⁵.

Иными словами, данная модель не представляет собой механизма, оптимизированного согласно принципам рациональности и эффективности. Эта система балансов, торга или, если угодно, диалога, которая основана на компромиссе и учете конкретных интересов участников. Хотя данная доктрина развита применительно к высшей политической сфере, думаю, несложно применить эту модель и к целому ряду социальных явлений, описываемых как структуры с «неформальными отношениями». Если указать на принципиальное отличие предпосылок данной модели от описанного выше строго «рационального» механизма управления, то состоит оно в том, что она фундаментально не приемлет идею того, что управленческое решение может быть разумным *помимо* и независимо от реальных согласовательных процедур с заинтересованными сторонам.

Если подытожить эту тему самопонятности, в пространстве которой разворачивается проблема «кланократии» как критически поставленная, то нужно также добавить, что на саму категорию «рациональности», которая неявно противопоставлена «иррациональным» формам управления, конечно, можно обрушить весь массив критики идеологической составляющей этого понятия. Я имею в виду ту критику, которую можно найти в самом широком спектре работ от Леви-Стросса до Эдварда Саида. Помимо агрессивной экспансионистской прагматики этого понятия, которой можно подыскать, по крайней мере, практическое обоснования с точки зрения политических задач европейской цивилизации, здесь есть и простая герменевтическая проблема. Иррациональным оказывается просто все то, что не соответствует узким западным стандартам рациональности. Тот же Вебер противопоставляет западную целерациональность «ценностной рациональности», имея в виду, что первая преобладает только в современном западном обществе, тогда как ценностная иррациональность, апеллирующая к неким трансцендентным сущностям, выступает как иррациональная по отношению к этой экономико-технической целерациональности. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что и традиционные и самые что ни на есть первобытные общества, в действительности, весьма рациональны и помимо каких бы то ни было апелляций к внемирным ценностям. Сошлюсь, например, на устройство системы управления в Османской империи. Когда Вебер описывает султанат как некое крайнее проявление патримониализма, он движется в сфере типичной ориенталистской мифологии. Однако о какой патримониальности может идти речь, когда бюрократический аппарат вербует и получает образование так, как это имело место в мусульманской Османской империи, основной контингент управленцев (от губернаторов до великого визиря) специальным образом

5. Шмитт К. Указ. соч. С. 125.

рекрутировался так, чтобы порвать все личные отношения, посвятив себя исключительно службе суверену? Элитные войска империи — янычары, с детства отрывались от своих семей, им было запрещено жениться и заниматься торговлей⁶.

2.

Вторая тема, которую я здесь затрону, касается вопроса о том, возможна ли вообще реализация рациональной модели управления. Я начну со следующего простого исторического указания. Веберовская модель бюрократии, которая является отправной точкой современной теории организации, рассматривается обычно как описание реально существующей вещи: западной, говоря конкретнее, немецкой бюрократии. На этом и основывается собственно критический пафос рассуждений о «современной» форме бюрократического устройства в противоположность различным его досовременным вариантам. Однако здесь я должен сделать весьма обескураживающее замечание. В действительности модель Вебера описывает не реальную, а воображаемую бюрократию. Если уж говорить совсем точно, то веберовское «описание» в точности соответствует официозному кайзеровскому дискурсу его времени, в котором немецкая бюрократия и превозносится именно как насквозь рациональная, профессиональная, подчиняющаяся всеобщим правилам и законам, и т. д. и т. п. Формулируя данное суждение, я ссылаюсь на работу Бернда Вундера «История бюрократии в Германии», к аргументам которого я в данном случае и отсылаю, не задерживаясь специально на этом вопросе⁷. К этому надо лишь добавить, что Вебер не говорит о ней как об идеальном типе, что позволяет его система, но в ряде мест прямо называет организацию чиновничества в кайзеровской Германии лучшей из возможных.

Это историческое замечание следует дополнить другим соображением. Поставим вопрос так, может ли вообще социальная система функционировать только по формальным рациональным правилам — так, как это представляют в том числе и современные критики «досовременных», «неопатриониальных» и т. д. систем? К сожалению, ответ на этот вопрос является отрицательным. В качестве обоснования я сошлюсь на последние работы Фрэнсиса Фукуямы, в частности книгу «Великий разрыв»⁸, в которых он развивает следующую мысль: западные модерновые институты политики, права и экономики в действительности основываются на скрытых неформальных предпосылках, которые он называет «социальный капитал». Отсюда следует, что особое качество этого социального капитала в тех странах, где «демократия работает», отличается от качеств социального капитала в тех странах, где введение соответствующих формальных институ-

6. *Льюис Рафаэла*. Османская Турция. М.: Центрполиграф, 2004. С. 42.

7. Wunder Bernd. *Geschichte der Bürokratie in Deutschland*. F. a. M: Suhrkamp, 1986. S. 9.

8. *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. М.: Издательство АСТ, 2003.

тов не приводит к возникновению систем западного типа. Иными словами, функционирование формальных систем в западных обществах обеспечено тем, что они соответствуют (до определенной степени, разумеется) системе неформальных отношений⁹.

При этом нельзя сказать, что реализация систем, по своей чистоте приближающихся к формальным, невозможна в принципе. Однако работа таких систем в этом случае требует крайне высоких затрат и ресурсов. Неформальность, напротив, — результат бедности. А формальность — это роскошь, доступная весьма немногим группам и обществам. Это наглядно демонстрирует знаменитый образ «стеклянного колпака» Эрнандо де Сото. Стеклоанный колпак — сфера легально-правового оформления отношений собственности. Но в большинстве стран мира за пределами этого колпака и разворачивается основной массив социальной жизни. Причем, как аккуратно указывает де Сото, те, кто пользуется выгодами существования под колпаком, в частности юристы, отнюдь не заинтересованы в том, чтобы менять сложившуюся ситуацию. Однако жить в «стеклянном» пространстве могут лишь те, кто имеет достаточно средств, чтобы оплачивать высокие издержки легализации и, соответственно, формализации.

Веберовская модель рациональной бюрократии также учитывала определенные границы формальной рациональности. Вебер оперирует, как известно, различием «профессиональной» и «политической» бюрократии. Политические бюрократы занимают в государстве высшие должности на основании, например, партийной победы в парламентской борьбе. Именно партийные бюрократы принимают политические решения, они сменяемы, а принцип их персонального рекрутинга является, скорее, иррациональным (он может быть вполне «клановым», как мы это и видим, например, в США). Профессиональные же бюрократы, которые в отличие от политических бюрократов, не испытывают влияния политической борьбы, отвечают, в свою очередь, за реализацию политических решений. Это веберовское различие двух типов бюрократии, таким образом, учитывает не полностью формализуемый характер управленческой организации, отводя, однако, для «иррационального» определенное, причем самое высокое, положение в бюрократической иерархии — как государственной, так и экономической. В этом отношении концепция

НЕФОРМАЛЬНОСТЬ — РЕЗУЛЬТАТ БЕДНОСТИ. А ФОРМАЛЬНОСТЬ — ЭТО РОСКОШЬ, ДОСТУПНАЯ ВЕСЬМА НЕМНОГИМ ГРУППАМ И ОБЩЕСТВАМ

9. В настоящем номере журнала в статье Гретхен Хелмке и Стивена Левитски «Неформальные институты и сравнительная политика: основные направления исследований» дана попытка типологической классификации возможных конфигураций взаимоотношения формальных и неформальных институтов, что в некоторой степени отвечает поставленной здесь проблеме.

бюрократии Вебера делает поправку на необходимое наличие даже в строго рациональной системе пространства принятия идеологических решений, политического торга и прочих «неформальных» типов отношений. Без этой поправки доктрина формально-рациональной бюрократии, таким образом, может рассматриваться как идеологема.

3.

В текущем российском политическом контексте поднятая проблема имеет несколько аспектов. Во-первых, это проблема публичной актуализации «борьбы с коррупцией» и интересов, стоящих за публичными компаниями такого рода. Во-вторых, это вопрос о специфике сложившейся в стране системы административного управления.

Тема «борьбы с коррупцией» имеет, в свою очередь, две разные перспективы — внешне- и внутривнутриполитическую. Начнем с внутривнутриполитической. Здесь «борьба с коррупцией» является стандартным популистским ресурсом власти, который актуализируется для укрепления существующей политической системы. Крупные показательные процессы, связанные с коррупцией, призваны убедить население в том, что власть способна и готова к внутреннему перерождению и обновлению. Такую же функцию имеет, кстати, и тема сокращения бюрократического аппарата, которая с замечательной регулярностью и такой же безрезультатностью поднимается в периоды предвыборной активности.

В свою очередь, внешняя критика и давление, которое оказывается такими, например, международными неправительственными организациями как «Transparency International», а также экспертные политологические атаки (тема «неопатримониализма» и т. д.) имеют две составляющие. Во-первых, простой недалёковидный догматизм. Лобовая атака на неформальные институты, которая не может предложить взамен ничего, кроме правового формализма, игнорирует работу над согласованием или, по крайней мере, когерентным взаимодействием формальных и неформальных институтов, ведет к дисфункции институциональной системы.

Во-вторых, эта критика, в конечном счете, обслуживает интересы крупных транснациональных экономических структур. Потому что «коррупция», по сути, является скрытой формой протекционизма местной экономики (при соблюдении прочих равных условий). Это не означает, что местный бюрократический аппарат не может быть коррумпирован зарубежными компаниями. Но местные компании во многих случаях имеют лучшие шансы для реализации своих задач по неформальным каналам, по крайней мере, это требует от них меньших ресурсов. Поэтому бюрократический формализм и прозрачная рациональность — оптимальное и желательное положение дел именно для крупных транснациональных компаний. Реализация интересов в этой среде требует определенных издержек (содержание штата юристов и т. д.), которые естественны для крупных корпоративных структур, получающих в этом поле значительные конкурентные преимущества.

Эти факторы, мотивирующие публичную актуализацию темы «борьбы с коррупцией» достаточно очевидны. Намного более запутанным является вопрос о реальной специфике сложившейся в стране административно-бюрократической системы. Основная сложность заключается, разумеется, в том, что мы не располагаем эмпирически фундированными качественными и количественными исследованиями этой проблемы, а встречающиеся оценки в данном случае носят случайный и перспективистский характер. Поэтому системе можно дать лишь общее макроописание, а не охарактеризовать ее в деталях.

Возьмем за исходный пункт сколь широко представленную, столь же и трудно поддающуюся верификации точку зрения, согласно которой российская бюрократическая система является *тотально коррумпированной*. Этот тезис не подразумевает, что в системе все берут взятки, но лишь то, что в принципе любое ограничение, накладываемое бюрократической системой, может быть обойдено с использованием больших или меньших ресурсов. Это означает, что административная система государства функционирует, не соблюдая классический веберовский метапринцип бюрократической службы:

юридическая и фактическая служба в бюрократической организации не должна рассматриваться как источник доходов или способ получения ренты¹⁰.

Из этого можно заключить, что бюрократический аппарат не является институтом, выделенным из общей взаимосвязи социально-экономической жизни страны, но представляет собой сложную симбиотическую структуру, в которой проведение границы между «обществом» и «бюрократическим аппаратом государства» не имеет большого смысла. По отношению к этой структуре не вполне осмысленно также использование самого понятия коррупция (ввиду оборачивания оппозиции «норма» / «исключение»). Бюрократическая система оказывается включенной в те же операции обмена и торга, что и другие социальные подсистемы, в первую очередь — экономическая. Служащий получает в свое распоряжение больший или меньший ресурс, которым он может распоряжаться ровно таким же образом, как и обладатель любого другого экономического ресурса. При этом такое положение дел давно определяет нормы нашей повседневной социальной практики. Как исключение общество воспринимает не факт коррупции, а, напротив, факт формального соблюдения закона. Если обычная коррупционная сделка не удастся (возьмем самый распространенный в быту случай — поборы со стороны сотрудников правоохранительных органов), то это сигнализирует о том, что мы, скорее всего, имеем дело с какой-то краткосрочной демонстративной акцией, направленной на выполнение показателей внутрикорпоративной отчетности.

10. Вебер М. Бюрократия // Классики теории государственного управления: Американская школа / Д. Шафритц, А. Хайд (ред.). М.: Издательство Московского университета, 2003. С. 58.

Объяснить это явление можно, по-видимому, лишь учитывая особенности российской истории последнего столетия. Основным фактором, обусловившим внутреннее перерождение государственного аппарата, является, как можно предположить, двоякого рода отчуждение граждан от своего собственного государства: 1) отчуждение в силу памяти о репрессивной сущности государственного аппарата советского периода¹¹; 2) отчуждение, связанное с инструментализацией в личных целях государственных должностей в период перехода от советской к капиталистической системе¹². Два эти момента, в сочетании с рядом культурных факторов¹³, привели к деградации системы неформальных норм, способных обеспечить «нормальное» функционирование бюрократического аппарата¹⁴. Выражаясь метафорически, современное российское государство подобно циклопическому и все еще напоминающему о каком-то негативно-возвышенном прошлом сооружению, образовавшему странный симбиоз с новым ландшафтом. Представление о конкретном назначении этого сооружения стирается из памяти, а его помещения арендуют самые разные конторки и предприятия, каждая из которых занята своим делом. Общий интерес сводится к поддержанию общей инфраструктуры (включая такой инфраструктурный ресурс как «население») и некоторым новациям — вроде евроремонта в туалете и прокладки общего сетевого кабеля.

Российский государственный аппарат не является носителем государственности в том смысле как ее определяет, например, Гегель: «Государство есть действительность конкретной свободы; конкретная же свобода состоит в том, что личная единичность и ее особенные интересы получают свое полное развитие и признание своего права для себя (в системе семьи и гражданского общества) и вместе с тем посредством самих себя частью переходят в интерес всеобщего, частью своим знанием и волей признают его, причем признают его именно как свой собственный субстанциальный дух и действуют для него как для своей конечной цели» (Философия права, § 260). Обычная постановка вопроса: в России нет гражданского общества, а есть одно только государство, на наш взгляд, нуждается в переосмыслении. В действительности (опять же в гегелевском смысле) в России нет, в первую очередь, именно государства. Государство давно стало жертвой интересов гражд-

11. Отсюда логика «схрона» (С. Кордонский): необходимо что-то урвать и припрятать — желательно в «развитой европейской стране».
12. Этот процесс, замечу, имел структурный характер, поскольку имел долгосрочные последствия в виде формирования новых отношений собственности, а не простого перераспределения ресурсов в пользу отдельных участников.
13. В частности, драматическая постсоветская трансформация не была компенсирована никакой идеологией, способной придать этим преобразованиям характер осмысленного государственно-национального проекта.
14. Фактически мы имеем дело с коррозией культуры и нормативной ценностной системы государственного служения, медленное восстановление которой возможно, на наш взгляд, лишь посредством создания особой социальной среды и образовательной системы подготовки госслужащих. Подробнее см.: Куренной В. В поисках достоинства: смысл и логика административной реформы // Отечественные записки. 2004. № 2.

данского общества (более или менее локальных групп интересов) и даже еще более элементарной социальной структуры—семьи. Россия—это несостоявшееся или «несовершенное» государство¹⁵. При этом должность на государственной службе может использоваться не только для эксплуатации его в частных экономических интересах, но и для конвертации в другие формы капитала, например, в культурный. Так, на статус главного политического идеолога претендует сейчас В. Сурков, хотя непонятно, как чиновник, занимающий ответственную должность в аппарате президента, может находить время еще и для интеллектуальных упражнений. Да и какое удовольствие можно находить в доказательстве бытового отечественного трюизма, что начальник всегда самый умный?

Когда Симон Кордонский описывает современную структуру России как «ресурсное государство», возникает только один вопрос: почему эта структура вообще называется государством. В частности, характеризуя специфику современного политического момента, он пишет:

Должности государственной службы, а также должности в региональных и местных органах власти, политических партиях и организациях, представительских органах власти являются самым выгодным вложением ресурсов, сформированных при их расхищении—праватизации и потому подверженных «политическим рискам».... Именно государственный статус—должность—дает доступ к распоряжению другими ресурсами, то есть к участию в собственно государственной жизни¹⁶.

Неясно, однако, почему эта сугубо частная логика интересов каких-то групп, стремящихся обезопасить уже накопленные и распоряжаться новыми ресурсами путем занятия государственных должностей, называется государственной жизнью. Если и говорить о неадекватности концептуального аппарата «нормальной» политической и социальной теории по отношению к российской реальности, то одним из самых сомнительных концептов является именно понятие «государства».

Это отчуждение, связанное с метаморфозой государства в некий странный институт, компенсируется различными способами, выступающими как превращенная форма осознания факта отсутствия государства. Например, отсюда проистекает популярность национализма, который принимает форму тезиса «у русских нет своего государства». Симпатии к В. Путину, оперирующего риторикой государственных интереса, является еще одной формой компенсаторной реакции на отсутствие проявлений этого интереса в доступной нашему опыту повседневной реальности.

15. «Несовершенные государства—те, в которых идея государства еще скрыта и где ее особенные определения еще не достигли своей самостоятельности» (Гегель. Философия права, §260 (Прибавление)).

16. Кордонский С. Ресурсное государство. М.: Regnum, 2007. С. 28.